

XX. Экспериментальный метод.

Когда противникам – добросовестным, конечно – анархических идей приходится признать все недостатки нашего общественного строя и согласиться с нами, что этот строй нуждается в преобразованиях и что все средства, предлагавшиеся для этого до сих пор, ни к чему не привели, они думают, что делают нам этим громадную уступку. Затем, они с полной искренностью начинают искать новых средств для достижения той же цели, а иногда и доходят до признания того, что анархическое общество – самый высокий идеал, который только можно поставить как цель человеческой эволюции.

Но здесь является затруднение: под влиянием предрассудков, унаследованных от предков и поддерживающихся воспитанием, средой и инертностью характера, они спешат прибавить, что идеал этот неосуществим и навсегда останется в области умозрений.

«Как бы общество не было плохо», говорят они, «оно все-таки обеспечивает нам некоторую безопасность, некоторую возможность прогресса, которую революция может у нас отнять. Постараемся лучше усовершенствовать то, что у нас есть; это – путь медленный, но верный».

Если им возразят на это, что есть люди, которые страдают и гибнут от этой якобы безопасности, от этой якобы цивилизации, то они легко согласятся, что буржуазная эксплуатация, действительно, возмутительна, что ею вполне оправдываются все протесты эксплуатируемых; некоторые даже признают, что революция неизбежна, но поспешат прибавить, что это очень печально, потому что она может потерпеть поражение и отбросить нас далеко назад.

«Определить болезнь», говорят они, «конечно нетрудно, но другое дело вылечить ее. В социологии же затруднение еще гораздо значительнее, потому что здесь это искусство находится еще в периоде детства. Привести к каким-нибудь результатам здесь может только рационально-приложенный опытный метод, а анархические идеи не заключают в себе ничего научного: это – продукты чистого умозрения, вытекающие из очень похвальных чувств, но нисколько не основывающиеся на опыте».

С первого взгляда это рассуждение кажется вполне логичным; оно даже оказывается совершенно верным в том случае, если данную болезнь знают только по её внешним признакам, а сами причины её остаются неизвестными. Но когда источник болезни открыт, то способ лечения её указать уже не трудно. Если до сих пор медицина колебалась и переходила наугад от одного средства к другому, то это зависело от того, что, хотя действие данного лекарства на данное явление организма и было известно, но так как одно

и то же патологическое явление может происходить от различных причин, то лечение, полезное в одном случае, могло оказываться бесполезным или вредным в другом. Вот почему медицина была до нашего времени скорее эмпирическим искусством, чем наукой. В общественной терапевтике, где существовали такие же пробелы и такое же незнание, люди точно также делали ряд никогда не удававшихся революций, пытались вводить реформы, никогда не приводившие ни к каким результатам, переходили от одной системы к другой – и все-таки не могли помешать ни росту бедности, ни эксплуатации народных масс.

Люди хотели уничтожить последствия, нисколько не задаваясь вопросом о причинах и не затрагивая их; менялся только правительственный ярлык, производилась некоторая очистка в составе должностных лиц; когда же оказывалось, что то зло, на которое жаловались раньше и от которого надеялись избавиться, снова всплывало, после ничтожного перерыва, и продолжало существовать по-прежнему, как будто бы никаких изменений не произошло, то все начинали удивляться.

Современная медицина поняла, что лучшее средство бороться с болезнями, это – предупреждать их, уничтожая, при помощи разумной гигиены, те причины, которые их вызывают. Анархисты хотят применить ту же точку зрения и к общественной гигиене. Они поставили вопрос о причинах болезней, от которых страдает современное общество, нашли их источники и, отказавшись от мысли о всеобщих панацеях, которые они предоставляют политическим шарлатанам, говорят людям, на основании сравнительного изучения различных существующих систем и реформ:

«Корень того зла, от которого вы страдаете, лежит в дурной общественной организации; власть и капитал – вот двигатели той машины, которая вас давит. Вы можете сколько угодно менять в ней колеса, преобразовывать и улучшать их; функция этой машины – раздавить вас, и вы будете непременно раздавлены, если не уничтожите самую машину, с теми двигателями, которые доставляют ей всю её силу, – властью и капиталом. Если вы не хотите терпеть последствий, уничтожьте самую причину».

Когда, после долгих исканий, физиологи открывают источник такой болезни, которая прежде была известна только в её последствиях, то может случиться, что все лечебное искусство окажется от этого перевернутым: больному будет предписываться то, что прежде запрещалось, и, наоборот, запрещаться то, что предписывалось; в политике это называется революцией. Иногда старые рутинёры[41] называют новаторов сумасшедшими, оригиналами, и обвиняют их в том, что они подвергают опасности жизнь больного и не считаются с целым рядом самых вероятнейших гипотез. И эта вражда будет преследовать их до тех пор, пока достигнутые и много раз повторившиеся результаты не заставят, наконец, замолчать рутинёров, не верящих ни во что, кроме формул, почерпнутых из прошлого.

Врач, пробуя новый метод лечения, делает в маленьких размерах то, что анархисты хотят сделать в больших, по отношению к целому обществу. Когда он оставляет проторенную дорожку рутины и пытается приложить новые научные данные, то, если только он уверен в своих знаниях, в своей подготовке, в верности своих наблюдений, ему нечего заботиться о преследующих его враждебных криках ретроградов.

То же можно сказать и в социологии. Виноваты ли анархисты, если наше общество устроено так, что люди не могут делать того, что хотят, не наталкиваясь на какой-нибудь запретительный закон, на какую-нибудь центральную власть, которая уверяет, что знает лучше самих заинтересованных лиц что им нужно, которая хочет заставить их делать то, что, с её точки зрения, для них полезно и помешать тому, что кажется ей вредным? Общество устроено так, что, чтобы из него выйти, его прежде нужно разрушить; в таком случае, буржуазии нечего жаловаться, когда, в своем стремлении к свободе, люди хотят устранить стесняющие их учреждения.

Пользование опытным методом предполагает переход от теории к практике; но даже при самых точных расчётах в каждом опыте останется всегда известная доля непредвиденного, которую робкие умы и изберут как предлог для отрицания всякого нововведения. Неужели же мы должны осудить себя на застой ради удовольствия рутинеров.

Раз причина болезни известна, пусть лучше нож хирурга извлечет злокачественную опухоль и уничтожит ее в корне; хирургия каждый день подает нам пример смелого удаления членов или органов атрофированных, паразитных, зараженных гангреной, или вообще могущих стать причиной осложнений. Почему же мы должны колебаться в уничтожении того, что всеми – за исключением тех, кому существующий порядок выгоден – признано дурным и вредным?

Мы знаем, что на это нам возразят, что с обществом нельзя обращаться как с отдельной личностью, что последняя может погибнуть незаметно, тогда как общественный переворот может повести к гибели или к шагу назад для всего человечества. Затем, мы услышим опять о преимуществах медленного, постепенного действия посредством проведения ряда реформ. И это называется опытным методом!

Что бы не говорили наши противники, но эмпириками являются именно они, и их опыт, которым они пользуются уже целые столетия – все их частичные преобразования и починки – показывает нам только, что единственные полезные реформы, это – те, которые разрушают сами учреждения, лежащие в основе общественного строя. Но разрушение учреждений, это – революция, потому что буржуазия, имеющая в своих руках власть, будет, пока эта власть у неё, защищать свое существование и поддерживающий его порядок вещей. Если только она заметит, что всеобщее избирательное право стремится отнять у неё власть, она тотчас же постарается удержать напор народных волн и пустит в ход и чиновничество, и суд, и полицию, и войско. Она позволит только те реформы, которые не затрагивают учреждений, служащих опорой для её привилегий, допустит к употреблению только те лекарства, которые стремятся лишь облегчить болезнь, а не уничтожить её причины. Мы сталкиваемся с этими реформами с тех самых пор, как существует всеобщее избирательное право, потому что они постоянно являются в избирательных программах политических партий. Реформы эти таковы, что до тех пор, пока они не вышли из области проектов, они обещают погрузить рабочего в океан блаженства; но стоит только им перейти в жизнь, как они в лучшем случае оказываются не приводящими ни к каким заметным результатам, а иногда и прямо становятся лишним орудием порабощения и эксплуатации в руках правящих классов.

Дело в том, что современное общество устроено так, что все, что в нем делается прекрасного и полезного, попадает, в конце концов, в руки обладателей капитала. Какое-нибудь новое изобретение служит только тому, кто имеет средства его эксплуатировать; какое-нибудь усовершенствование, благодаря которому можно производить предметы быстрее и экономнее, окажется выгодным только для капиталиста, который уменьшит вследствие этого число рабочих. Часть этих рабочих окажется выброшенной на улицу и увеличит собой армию умирающих с голоду безработных; другая же будет по-прежнему мучиться на той же долгой работе, а её заработок даже упадет вследствие конкуренции тех, которые окажутся выброшенными за борт.

Вот что нам показывает опыт, вот что нам дали все испробованные реформы и вот те неотразимые аргументы, которые мы выставяем против всех подобных проектов. Мы можем поэтому с полным правом возратить упрек в эмпиризме тем, кто говорит, что анархические идеи не основываются на опытных данных.

Самое главное возражение против анархистов всегда ставилось, впрочем, в такой форме: «Конечно, ваши теории прекрасны, но они неосуществимы». Но это – не аргумент. Почему же они неосуществимы? спросим мы, а на это нам, вместо всяких доводов, ответят выражением ряда опасений. «В виду недостатков человеческой природы» скажут нам, «*можно опасаться*, что люди захотят злоупотребить предоставленной им свободой и перестанут работать»; или: «раз не будет регулирующей власти, *может случиться*, что более сильные станут эксплуатировать более слабых» и т. д.

Анархисты доказывают, что все эти опасения напрасны; они говорят, что злая воля личностей и недостатки их характера развиваются и поощряются именно современной общественной организацией, которая вооружает людей друг против друга, заставляя вести их борьбу за возможность достать себе пропитание, которое общество доставляет им по большей части очень скупо.

Кроме того, они говорят – и доказывают, – что всякая общественная организация, основанная на власти, должна неизбежно повести к вредным последствиям, потому что власть будет находиться в руках людей, которым свойственны те же недостатки, как и всем остальным, а раз люди не умеют управлять сами собой, то они еще меньше сумеют управлять другими.

Остается еще последнее возражение, это – что анархизм до сих пор не доказал своей осуществимости[42] и должен навсегда остаться в области заоблачных мечтаний, потому что он не может осуществиться без насильственного переворота, а последний совершенно нежелателен. Но это возражение не выдерживает критики.

Неужели же, только потому, что наши предшественники позволяли себя эксплуатировать, мы должны тоже терпеть эксплуатацию? Неужели, если они позволили поработить себя государству, то и мы должны нести иго власти? Нет, мы вовсе не хотим отказываться от своего идеала свободы и справедливости, или ждать с его осуществлением, пока не будет больше трусливых рутинеров, – ради того только, что этот идеал получил свое ясное выражение только теперь, а раньше был не больше, как смутным и неопределенным

стремлением.

Вы признаете сами, что наш идеал прекрасен; вы соглашаетесь и с тем, что для его осуществления нужно только, чтобы люди действительно захотели этого и выучились поступать соответственно. Этого с нас пока довольно. Пусть только все те, которые стремятся к этому идеалу, распространяют свои идеи, организуются в группы, держатся сплоченно между собой, а затем, когда у них будет достаточно сил, чтобы избавиться от стесняющих их учреждений, пусть устроят свою жизнь сообразно своим влечениям и симпатиям.

Мы хотим быть свободными, и нам нет никакого дела до трусливых рабов, которые боятся потерять свои оковы и продолжают жаться к своим господам; нам нечего обращать внимания на их жалобы, тем более, что они перейдут на нашу сторону, как только победа окажется за нами. Мы хотим быть свободными и пусть те, кто еще нуждается в господах, устраиваются как хотят; да, впрочем, они обыкновенно провозглашают необходимость власти только для других.

Эмпирики именно те, которые хотят уничтожить последствия, не дотрагиваясь до причин, которые предлагают нам успокаивающие средства, когда нам нужен нож хирурга, которые хотят усыпить больного, в надежде, что его излечит сама природа, между тем как небольшая операция верно и быстро избавила бы его от болезни.

Удивительно, как часто люди успокаиваются словами и какой вес вдруг принимают разного рода софизмы, когда речь идет о сохранении рутины, о борьбе с нововведениями. «Нужно двигаться вперед потихоньку и наощупь», – говорят нам, и при этом совершенно забывают, что подобного рода несмелые попытки длются (даже если взять одни только латинские расы) уже около трех или четырех тысяч лет, что за все это время эксплуатируемые не переставали ждать исполнения все тех же обещаний, не переставали страстно бороться за все те же желанные реформы – и ничего до сих пор не изменилось в их положении. Мы страдаем все от тех же болезней, а нам предлагают, под предлогом рационального образа действий, прибегнуть для их излечения все к тем же припаркам.

Человеческий ум развился, область науки расширилась, промышленность сделала необычайные успехи, радости жизни стали утонченнее и многочисленнее, но кто воспользовался всем этим прогрессом? Все то же владеющее богатством и праздное меньшинство. А кто умирает с голоду, производя все и не пользуясь ничем? Все та же обездоленная масса.

С тех пор, как в человечестве создались первые общества, эксплуатируемые не переставали заявлять о своих жалобах и требованиях, не переставали бороться без устали, чтобы получить некоторые уступки, чтобы хоть немного облегчить свое положение; они то падали ниц, как рабы, то поднимали голову, как свободные и гордые люди, то просили как нищие, то брали силой; последнее происходило тогда, когда бедность и гнет доходили до высшей точки и принуждали их к восстанию, когда они предпочитали смерть своему настоящему положению.

И однако их положение не меняется. Часто случалось, что эксплуататорам приходилось уступать им места в законодательных собраниях, соглашаться на некоторые из требуемых реформ, или самим смягчать до известной степени свой экономический и политический гнет. Но меньше ли становилось от этого угнетение управляемой ими массы? меньше ли эксплуатировался народ? ослабевала ли бедность? переставало ли богатство с каждым днем все больше сосредоточиваться в руках все меньшего числа привилегированных?

Предлагать после этого беднякам, чтобы они продолжали по-прежнему идти эмпирическим путем и ограничивались требованием поверхностных реформ (потому что те, которые могут искоренить зло, считаются нежелательными, как могущие довести к революции) – значит предлагать рабочей массе позволить эксплуатировать себя еще неопределенно долгое время, потому что опыт прошлого показывает нам, что пока не будут изменены сами основы общества, все так-называемые реформы послужат только в пользу обладателей капитала и власти.

Наши противники – по крайней мере, добросовестные – сами признают, что современный общественный порядок дурен, что положение рабочих в высшей степени печально, что роскошная и праздная жизнь буржуазии основывается исключительно на их нужде и непосильном труде. Они соглашаются с нами, что такое положение не может продолжаться, что революция неизбежна и что сам современный порядок к ней ведет, потому что рано или поздно настанет момент, когда бедняк не захочет больше голодать и работать как вол. Но, в таком случае, раз уже столкновение неизбежно, зачем тратить силы на то, чтобы стараться его предотвратить? Зачем внушать людям надежду на мирный исход, когда мы отлично знаем, что он невозможен?

Это значило бы только играть на руку эксплуататорам, которые стараются усыпить эксплуатируемую массу, чтобы еще лучше поработить ее и еще прочнее установить свое господство. Вот еще одно из последствий недостатков нашего современного строя: тот, кто не становится решительно на сторону эксплуатируемых и не принимает всех их требований, оказывается силой вещей на стороне эксплуататоров. Все его добрые намерения, все те добрые чувства, которые заставляют его желать уменьшения наших бедствий, превращаются в наркотические средства, смягчающие острую боль и отдающие бедняков связанными по рукам и по ногам в руки эксплуататоров.

Раз уже борьба неизбежна, не лучше ли подготовиться к ней заранее, не лучше ли постараться внушить людям наш идеал будущего, который наши противники сами считают хорошим и только вследствие рутины не могут признать осуществимым? Не лучше ли сделать так, чтобы в момент революции люди сумели воспользоваться результатами борьбы, которую им придется вести? Пусть они знают тогда, какие учреждения вредны и должны быть разрушены, пусть не дадут эксплуататорам еще лишний раз обмануть себя.

Не будет ли это рациональнее и научнее, чем терять время на сожаление о том, чему помешать мы не можем, и на попытки сохранения того, что мы сами считаем дурным, но только боимся потерять из страха худшего?

Логично ли, в самом деле, стараться отложить на неопределенное время осуществление новых идей потому только, что они нигде еще не были приложены на практике и неизвестно, что могут дать? Так рассуждать можно только из страха новизны и нежелания отказаться от привычных понятий; только исходя из этого можно проповедовать, что лучше довольствоваться тем, что имеешь, или пытаться улучшить его, чем рисковать попасть в положение еще худшее.

Мы можем считать вполне доказанным, что современное общество улучшится только тогда, когда будут преобразованы сами основы его; отвергать же какую-нибудь идею только потому, что она не доказала своей пригодности на практике, значит рассуждать совершенно антинаучным образом и осуждать человечество на полный застой. Новые идеи всегда оказывались в большем или меньшем противоречии с идеями, господствовавшими в большинстве, и всякий раз, когда делалось какое-нибудь новое открытие, чтобы убедиться в его истинности, его приходилось проверять на опыте. Если бы такой опыт уже был когда-нибудь сделан в прошлом, это значило бы, что данная идея не нова и что, прежде чем добиться этого опыта, ей пришлось уже пережить некоторую борьбу. Она была бы уже тогда совершенно готова к осуществлению в практической жизни.

Возьмем, наконец, простое и много раз приводившееся, но, в сущности, совершенно верное сравнение: когда у человека желтуха, то он не старается улучшить ее, а хочет совсем от неё избавиться. Мы гибнем от бедности и эксплуатации и стремимся освободиться от убивающего нас ига, что же с нами еще может случиться худшего?

Я знаю заранее, что в ответ на это мы услышим старую песню об опасности, грозящей прогрессу, о гибели науки во всеобщем катаклизме, о том, что человеческому уму грозит опасность пойти назад, раз только победа достанется народным массам, более грубым и менее образованным, чем правящие классы.

Ниже мы покажем, что эти опасения напрасны; но допустим на минуту их справедливость. Какое значение могут они иметь для тех, кто незаслуженно страдает и кому, наконец, страдать надоело? Какое дело до прогресса и всех чудес промышленности тем, кого судьба заставляет только быть орудиями их и никогда ими не пользоваться? Что такое наука и все открытия человеческого ума, если они должны вечно служить только для всё большего порабощения и отупления страдающей массы, которой общество отказывает в возможности развития?

Попробуйте-ка сказать рабочим, что, хотя вы и от души жалеете об их бедственном положении и всем сердцем сочувствуете их страданиям, но, так как внезапное освобождение их может привести к остановке хода прогресса, то они должны примириться со своим непосильным трудом и тяжелой жизнью; что это нужно ради того, чтобы ничтожная кучка ученых исследователей, окруженная другим меньшинством паразитов, поглощающих для своей личной пользы продукты труда всех, могла свободно работать над разрешением научных вопросов. Имейте смелость высказать ваше мнение, скажите все это тем, кто умирает с голоду, чьи силы истощаются в изнурительном, каторжном труде – и вы увидите, как вас встретят.

Напрасно вы будете прибавлять, что их терпение пойдет на пользу... будущим поколениям, что эти последние пожнут плоды самоотвержения предков... тогда, когда будут, наконец, найдены и приложены полезные реформы. Бедняки ответят вам, что они отказались от христианства именно потому, что оно обещало им рай только после смерти; вы же можете обещать лучшее будущее только их потомкам. Они скажут вам, что им надоело работать и страдать для других, что они хотят пользоваться плодами своих трудов и страданий не в лице будущих поколений, а теперь, – и они будут совершенно правы.

Если вы не хотите гибели прогресса и исчезновения науки, не сопротивляйтесь требованиям обездоленных масс: вместо того, чтобы стараться сохранить нездоровое и уже разрушающееся здание, помогите нам лучше очистить от него почву, чтобы, когда народная волна ударит в мешающие ей учреждения, не раздражать ее понапрасну бессмысленным и несправедливым сопротивлением. Вместо того, чтобы становиться на сторону защитников прошлого, пусть всякий человек, мыслящий и действительно стремящийся служить развитию человеческого ума, перейдет на сторону тех, которые не требуют ничего другого, кроме возможности воспользоваться своей долей того счастья и света, созданию которого они сами содействовали.

Представьте тех, кто совершенно несправедливо хочет захватить в свою пользу плоды общего солидарного труда; пусть представители прошлого пытаются сколько угодно удержать свои привилегии, несправедливость которых все больше и больше обнаруживается с каждым шагом человеческой эволюции. Если вы таким образом и не предотвратите столкновения (их упорство делает его неизбежным), то, по крайней мере, поможете спасти от гибели научные завоевания, потеря которых была бы, несомненно, огромным вредом для человечества. Но помните, что есть люди, которые страдают и умирают с голоду, которые не имеют возможности развиваться ни физически, ни умственно, которых лишили всех тех благ, исчезновения которых вы так боитесь; этим людям надоело быть обездоленными и они хотят, наконец, пользоваться этим общим достоянием. Помогите им завоевать эти блага: справедливость требует этого. Это – единственное средство их сохранить. Если же вы этого не сделаете, то пеняйте на себя и свою трусость в случае, если победа народных масс поведет к каким бы то ни было катастрофам (если только, действительно, такая опасность существует).

Последнее возражение, которое нам делают, заключается в том, что, во всяком случае, в обществе замечается известный прогресс, что общий уровень нравственного и умственного развития рабочего повышается, его положение становится лучше, его потребности возрастают и получают возможность удовлетворения, что даже самый закон подвергается преобразованиям, и законодательство все более и более приспосабливается к требованиям общей пользы.

Посмотрим, насколько и в каких пределах все эти положения верны.

Несомненно, общий уровень развития рабочего повысился, его потребности возросли вместе с ростом возможности их удовлетворения; теперь, например, рабочий[43] ест за обедом мясо и пьет вино, чего он не мог сделать хотя бы только пятьдесят лет тому назад. Но нужно иметь в виду и то, что одновременно возросла очень сильно и производительность

его труда, так что, расходуя гораздо больше сил, он нуждается, для восстановления их, и в гораздо большем числе питательных веществ.

Пятьдесят лет тому назад рабочий ходил по воскресеньям в блузе и питался овощами и сыром; иногда, в понедельник, ему случалось, где-нибудь за городом, съесть жареного кролика и выпить несколько бутылок вина, и это считалось уже необыкновенным празднеством, о котором долго помнили и которое, конечно, не повторялось каждую неделю. Но за то он не был, в своей мастерской, прикован к быстро движущейся машине, за которой нужно непрерывно следить. Работа была по большей части ручная и делалась не спешно: рабочий производил, сколько мог. Хозяин был часто товарищем своих рабочих, был не прочь выпить вместе с ними и требовал усиленной работы только тогда, когда ему нужно было к сроку сдать спешный заказ, в остальное же время они производили сколько могли.

В наше время, рабочий – машина; своих эксплуататоров он по большей части даже не знает. В этом отношении, в смысле нравственных условий работы, он, следовательно, проиграл.

Правда, его потребности увеличились и ему нужна теперь такая сравнительная роскошь, без которой он прежде мог обходиться, но это зависит, во-первых, как мы уже говорили, от увеличения затраты его сил, а во-вторых – от большого умственного развития. В то время, как внешние условия ставят его на более низкий уровень сравнительно с его эксплуататорами, сам он становится сознательнее и лучше умеет оценивать свое личное достоинство. Он знает теперь, что и эта сравнительная роскошь, и эти более высокие потребности вполне законны, и что он сам приобрел на них право собственными силами.

Да никто и не осмелится утверждать, что эти увеличившиеся расходы излишни для рабочего; никто не решится оспаривать его право на долю участия в пользовании теми благами, созданию которых он содействует. Только у экономистов старой школы может еще хватить глупости и нахальства упрекать рабочего в непредусмотрительности и говорить ему о бережливости, когда он и так имеет возможность удовлетворить только ничтожную долю своих потребностей.

Современному рабочему можно тем не менее поставить в упрек развившиеся в нем новые потребности, что он удовлетворяет их в наше время очень тяжелыми лишениями и что то – очень относительное – благосостояние, которым он, действительно, пользовался во время наиболее быстрого роста промышленности, теперь составляет в каждом ремесле удел лишь небольшого меньшинства привилегированных рабочих. Большинство же принуждено жить на такую заработную плату, которая, если принять во внимание безработицу, оказывается несколько не выше, чем пятьдесят лет тому назад.

Если потребности рабочих увеличились, скажем, вдвое, то за то производительность труда увеличилась в десять раз; повышение заработной платы и удешевление продуктов позволили им дать удовлетворение этим возросшим потребностям; однако, в конечном счете, больше всего воспользовались этим развитием производства все-таки капиталисты. Новые потребности рабочего, нарождающиеся в наше время, уже не могут найти себе удовлетворения, вследствие безработицы, и он оказывается в положении еще худшем, чем раньше, так как, помимо его материальной нужды, в нем живет кроме того сознание, что

эта нужда – не заслужена, так как он – единственный производитель всего, что потребляется, всего, что дает возможность наслаждаться жизнью.

Он видит, что магазины переполнены товарами, а самому ему приходится сидеть без работы, и это происходит от того, что он и его семья принуждены лишать себя многого и они не могут потреблять столько, сколько им нужно. Он знает, что его нужда зависит именно от тех причин, которые создают богатство его эксплуататоров. Если бы ему предоставили возможность пользоваться всеми продуктами соответственно его потребностям и если бы его не принуждали переутомляться ради того, чтобы производить все больше и больше, товары не залеживались бы в складах и не было бы безработицы, во время которой ему и его семье приходится умирать с голоду.

Вот что неизбежно говорит себе всякий мыслящий рабочий, когда он наблюдает и обсуждает те явления, с которыми ему приходится сталкиваться в жизни. Да, рабочий развился и понял цену прогресса – того прогресса, который тотчас же исчезает, как только он хочет им воспользоваться; поэтому его более обострившиеся чувства заставляют его теперь страдать от таких причин, которых он прежде даже не замечал. А опыт, опять-таки, не только не подает ему надежды на улучшение,

но, наоборот, предвещает все большую нужду, все более сильный и все более унижительный гнет.

Нам остается еще разобрать вопрос о постепенном усовершенствовании законов, якобы все более приспособляющихся к интересам общей пользы и к её охранению. Но и здесь мы не находим ничего, кроме пустой приманки: самые лучшие законы, по самому существу своему, на практике совершенно отклоняются от своей первоначальной цели. Уголовный кодекс, как и прежде, падает всей своей тяжестью на бедняка, оставаясь снисходительным и уступчивым по отношению к классу привилегированному. Закон все также строг к тому, кто украдет у соседа кролика, но он все также оставляет безнаказанными банкиров, ворочающих миллионами – биржевых игроков, дельцов. «Соединенного Общества» или Панамы, разных участников операций Март и Рейно, Массе и Берно; по-прежнему мошенники, открывающие россыпи перца или залежи сахара, могут в полной безопасности дурачить доверчивых людей. Если иногда следователь и оказывается вынужденным вмешаться в их дела и спросить у них кое-каких объяснений, то он не заставляет привести их к себе под конвоем двух полицейских, как это делается с анархистами, а сам смиренно является к ним, сознавая всю неуместность своего нескромного вмешательства и, конечно, не дает делу никакого хода. А потом он старается наверстать потерянное, строго осудив какого-нибудь бедняка, который за неимением денег, пообедал где-нибудь и не заплатит за обед.

Перед законом все равны – это мы прекрасно знаем; но если какому-нибудь пьяному случится оказать хоть малейшее сопротивление грубо схватившим его полицейским или даже просто выразить свое недовольство, то его осудят за «оскорбление полиции»; может быть, в участке его зверски избьют и оставят на койке полумертвым, но и тогда он должен быть рад, если его при этом еще не осудят за «оскорбление действием» тех же полицейских.

Все те, кому случается бывать в суде, отлично знают, что когда человека судят за оскорбление полиции или за сопротивление ей, то, как бы не было это обвинение ложно, адвокат всегда советует подсудимому не отрицать его, а только просить снисходительности суда, потому что, если подсудимый осмеливается противоречить заключениям следователя и свидетельству полицейских, суд всегда применяет к нему высшую меру наказания.

Да, прекрасная вещь закон! Он, несомненно, справедлив в одном отношении: это – что если завтра власть перейдет в другие руки, то новые правители употребят его как оружие против тех, кто пользуется им теперь.

Итак, к какой бы области мы не обратились, мы везде увидим, что все наши стремления подавляются современным общественным строем, что масса оказывается повсюду угнетенной ничтожным меньшинством, которое гораздо больше берет от общества, чем само дает ему.

Опасения, которые высказываются относительно возможности исчезновения в будущей революции некоторых сторон современной жизни, касаются только таких областей, до которых массе нет и не должно быть ровно никакого дела. Что же касается положительных знаний, то они могут только выиграть от общественного переворота. Не будем же останавливаться перед напрасными страхами и примемся лучше с удвоенной силой за разрушение существующего общества, которое держится еще только благодаря лжи и софизмам!